

О. Ю. Трыкова

Сакрализация языковых моделей детства (на материале литературных текстов)

В статье рассматривается сокращение детства в произведениях А. де Сент-Экзюпери, П. Трэверса, Дж. Родари, К. С. Льюиса, Ф. Пулмана, К. Булычева, О. Григорьева, Б. Захадера, Э. Н. Успенского и др. Сделаны выводы о причинах данного явления.

Ключевые слова: сокращение, детство, языковые модели, литературные тексты, зарубежная, отечественная проза для детей.

O. Ju. Trykova

Sacralization of Childhood Language Models (on the material of literary texts)

In the article sacralization of childhood in works by A. de Saint-Exupéry, P. Travers, G. Rodari, K.S.Lewis, F. Pullman, K.Bulychov, O.Grigoriev, B.Zakhader, E.N.Uspensky, etc. is considered. Conclusions are drawn on the reasons of the given phenomenon.

Keywords: sacralization, childhood, language models, literary texts, foreign, domestic prose for children.

Если не будете как дети, не войдете в царствие небесное.
[Мф., 18:3], [Мк., 10:15]

Это высказывание из Нового Завета во многом (осознанно или неосознанно) определило отношение к ребенку в художественной литературе. Сакрализация, обожествление детства встречается во многих произведениях отечественной и зарубежной литературы о детях и для детей. П. Трэверс, Дж. Родари, К. С. Льюис, Ф. Пулман, П. Бажов, К. Булычев, О. Григорьев, Б. Захадер, Э. Успенский и многие другие авторы в той или иной степени отдали дань этой традиции.

«Детство – счастливый, безгрешный рай», – писал Л. Н. Толстой. С наибольшей силой философско-символического обобщения идея сакрализации детства отражена в сказке А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц», начиная с эпиграфа:

«Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому... Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

Леону Верт,
когда он был маленьким» [7, с. 411].

Далее, как известно, идет рассказ о собственном детстве, о трагедии непонимания между взрослыми и детьми с доминирующими приоритетами в сторону ребенка («Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и рас-

толковывать... Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше» [7, с. 4]).

Олицетворением, символом подлинного «неиспорченного» человека для автора и его автобиографического героя-летчика становится Маленький принц, который способен представить в нарисованном ящике нужного барашка, путешествует от планеты к планете в поисках друга и т. д.

Через всю сказку настойчиво проводится антитеза «ребенок-взрослый», явно не в пользу последнего: «Уж такой народ эти взрослые. Не станем на них сердиться. Дети должны быть очень снисходительны к взрослым» [7, с. 422].

Лишь ребенок, по Экзюпери, способен постичь истинную сущность жизни, любви, дружбы. И сам летчик оказался способен понять Маленького принца лишь потому, что не забыл о собственном детстве до конца. Жизненные цели взрослых (король, честолюбивец, пьяница, деловой человек, географ) – ложны, эти люди эгоистичны. «Одни только дети знают, чего ищут», – утверждает автор вместе со своим героем [7, с. 465]. Так сакрализирует А. де Сент-Экзюпери детский возраст.

Вслед ему идет создательница знаменитой Мэри Поппинс Памела Трэверс. Особенно очевидно это в главе «История близнецов» из первой книги о легендарной няне-волшебнице.

Согласно авторской версии, младенцы (до того, как у них начинают прорезаться зубки) способны понимать язык зверей и птиц, «то, что говорят вещи, как разговаривает ветер». А потом, после года, наступает «поглупение»: «Нет ни одного человека, который бы по м н и л после того, как ему стукнет самое большее год» [8, с. 216].

Как видим, здесь автор максимально сужает рамки «гениальности» до младенческого возраста. Такого, пожалуй, нет ни у кого.

Зато вполне в русле литературной традиции противопоставление «ребенок-взрослый»: «А эти взрослые, по-моему, сами не понимают, что говорят... ни не понимают ни единого слова. Больше того: они не понимают того, что говорят вещи!» [8, с. 215].

Это непонимание распространяется не только на детей и родителей, но даже на брата и сестру, Майкла и Джейн, что старше близнецов по возрасту... Особенно драматичным в свете этого представляется желание малышей не взрости, чтобы не утратить чудесных свойств, не деградировать – и неизбежность этого процесса, так же показанного П. Трэверс.

Сакрализация детского возраста прослеживается и в произведениях других зарубежных авторов, но они уже не ограничиваются рамками младенчества.

Сходные мотивы мы находим и в сказке писателя-коммуниста Дж. Родари, и в знаменитых «Хрониках Нарнии» прохристиански настроенного К. С. Льюиса, и в современной трилогии богборца Ф. Пулмана «Темные начала».

Так в «Приключениях Чиполлино» Дж. Родари «революционно настроенная луковица» – не что иное, как олицетворение образа ребенка, находящегося вместе со своими друзьями-детьми (Земляничкой, Вишенкой и др.) в центре социального переворота. Активное и даже доминирующее участие юных героев в революционных событиях – не только дань детскому предназначению произведения, но и отражение несомненных приоритетов писателя.

В «Хрониках Нарнии» К. С. Льюиса, одного из «христианнейших» авторов XX в., в чудесную страну Нарнию из нашего мира имеют доступ лишь дети.

В I части «Племянник чародея» Полли и Дигори попадают в Нарнию с помощью волшебных колец и становятся свидетелями сотворения мира львом Асланом (по мнению отца Александра Меня, это лучшее воплощение образа Бога в художественной литературе!).

Повзрослевший Дигори, ставший профессором Керком, данную способность теряет. Но сакральная эстафета не прервана: через знаменитый платяной шкаф в доме Дигори в Нарнию отправляются четверо детей Певенси (Питер, Сьюзен, Эдмунд и Люси). Лишь они достойны стать королями и королевами чудесной страны. Более того, одна из девочек, Певенси, выросла, утратив веру в чудо, она теряет и способность проникнуть в «царствие небесное» Нарнии – у Льюиса остается лишь трое героев, способных, погибнув в реальном мире, обрести жизнь в «Небесном Иерусалиме». И этого достойны лишь те, что сохранили в себе «ребенка»...

Теологические убеждения современного писателя Ф. Пулмана, одного из первых лауреатов премии имени А. Линдгрена, диаметрально противоположны христианским воззрениям К. С. Льюиса. И, тем не менее, в своей трилогии «Темные начала» главными героями он делает девочку и мальчика, новых Еву и Адама, что способны изменить мир и пожертвовать своей любовью во имя его. («Бог есть любовь», – говорят католики. «Любовь и есть Бог», – убеждает Пулман) (Дм. Маликов)).

Так, богборческие теории автора вливаются в общую идею сакрализации детства.

Несмотря на всю разницу художественных предпосылок, в русле данной традиции оказывается и Й. Колфер, автор бестселлеров о чудоребенке Артемисе Фауле. «Артемис Фаул... Кто он такой? Заглянуть ему внутрь, чтобы ответить на этот вопрос, пытались многие, и ни у кого ничего не вышло. А причиной тому – необыкновенный ум Артемиса, щелкающий любые задачи, как орешки. Артемис Фаул обвел вокруг пальца величайших светил медицинской науки, и кое-кто из психиатров даже очутился в собственной же клинике с диагнозом “помрачение рассудка”. То, что Артемис – вундеркинд, не вызывает никаких сомнений» [3, с. 5].

Среди отечественных авторов (даже советского периода) тоже нередки подобные тенденции.

В «просоветских» сказках П. П. Бажова, удивительнейшим образом сочетающих верноподданные мотивы и языческую мифологию Урала, мы находим целый ряд таких произведений. В «Сказках детского тона» («Серебряное копытце», «Голубая змейка», «Огневушка-поскакушка», «Таюткино зеркальце») – явная сакрализация детства. Именно ребенок в этих сказках выступает в роли своеобразного «контактера» с inferнальными силами – вплоть до хозяйки Медной горы,

забирающей к себе свою названную дочку («Малахитовая шкатулка»).

В сказочном цикле А. М. Волкова («Волшебник Изумрудного города» и пр.) девочка Элли, а затем и ее младшая сестра Энни меняют правителей Волшебной страны, борются с агрессорами, восстанавливают социальную справедливость, спасают своих друзей...

Кир Булычев, почти все свое «детское» творчество посвятивший приключениям Алисы Селезневой, девочки из будущего, явно сакрализует героиню, названную именем дочери, а не в честь знаменитой Алисы Л. Кэрролла. Особенно это ощутимо в рассказах об Алисе-дошкольнице (цикл «Девочка, с которой ничего не случится»). Уже здесь маленькая героиня оказывается способной на то, что недоступно взрослым. Она спасает динозаврика Бронтию («Бронтя»), находит инопланетян («Пропавшие гости»), помогает ученому («Об одном привидении») и т. д.

Ироничная интерпретация автора позволяет Алисе стать «автором» рисунков представителей марсианской цивилизации (простодушные ученые принимают ее детское творчество за наскальную роспись инопланетян – «Тутексы»). Более того – именно Алиса становится «Своим человеком в прошлом» (одноименный рассказ).

Та же сакрализация детства будет продолжена К. Булычевым и в других произведениях, включая «Путешествие Алисы» («Тайна третьей планеты»). Там именно она, а не ее именитый папа-профессор Селезнев и прочие «взрослые» герои, станет ключевой фигурой сюжета: получит шапку-невидимку, спасет говоруна и т. д. [9].

Самый знаменитый детский писатель современности Э. Успенский также отдал дань рассматриваемой традиции. Его мальчик дядя Федор взрослее и мудрее довольно беспомощных родителей: он спасает зверей, осуществляя вековую мечту ребенка о «кошечке и собачке», о самостоятельном житье-бытье.

В повести «Вниз по волшебной реке» современный мальчик Митя восстанавливает мир и порядок в сказочной стране.

В «Меховом интернате» девочка-учительница не только учит зверей, но и контактирует с инопланетянами [9].

Проанализированные примеры – только часть из огромного большинства произведений, где наглядно прослеживается идея сакрализации детского возраста.

В то же время, данные психологии говорят о диаметрально противоположном: детство – от-

нюдь не «счастливый, безгрешный рай», а один из самых сложных периодов в жизни человека. Именно на это время приходится максимальное количество кризисов:

- кризис новорожденности,
- одного года,
- кризис трех лет,
- семи лет,
- плюс подростковый кризис четырнадцати лет!

Это противоречие художественной и психологической интерпретации периода детства подводит к определенным выводам.

Причина столь глобально проводимой художественной литературой идеи не только в «детской» адресации большинства из названных произведений. Сакрализируя образ ребенка, писатели, вольно или невольно, придерживаются вековой традиции нравственности, отдают дань гуманистическому началу.

Нельзя сбросить со счетов и ностальгические чувства, испытываемые многими взрослыми по отношению к собственному детству. Иногда здесь отражается и любовь к своим детям.

Так или иначе, но идея сакрализации детства является, на наш взгляд, одной из характернейших для художественной литературы в целом и для детской – в частности.

Библиографический список

1. Бажов, П. П. Малахитовая шкатулка [Текст] / П. П. Бажов. – М., 1992.
2. Булычев, К. Приключения Алисы : в 6-ти книгах [Текст] / К. Булычев. – М., 1991.
3. Колфер, Й. Артемис Фаул [Текст] / Й. Колфер. – М., СПб., 2004.
4. Льюис, К. С. Хроники Нарнии [Текст] / К. С. Льюис. – М., 1991.
5. Пулман, Ф. Северное сияние. Трилогия «Темные начала» [Текст] / Ф. Пулман. – М., 2003.
6. Родари, Дж. Приключения Чиполлино [Текст] / Дж. Родари. – М., 2002.
7. Сент-Экзюпери, Антуан де. Маленький принц [Текст] / Антуан де Сент-Экзюпери // А. де Сент-Экзюпери. Избранное. – Л., 1977. – С. 411–480.
8. Трэверс, П. Мэри Поппинс [Текст] / П. Трэверс // Живое чудо сказки: сборник. – М., 1992. – С. 176–368.
9. Успенский, Э. Н. Антология Сатиры и Юмора России XX века [Текст] / Э. Н. Успенский. – Том 19. – М., 2002.